

18+

Боль. Молчание. Смерть?

18+

Натали Фокс

Боль. Молчание. Смерть?

«Автор»

2026

Фокс Н.

Боль. Молчание. Смерть? / Н. Фокс — «Автор», 2026

Нью-Йорк. После теракта на Центральном вокзале Ноа Харрис теряет лучшего друга. Одержимый мстью, он внедряется в террористическую группировку «Идущие к рассвету» под именем Тень и выходит на её лидера — Кая Зильбера. Но каждый шаг вглубь тьмы размывает границы между притворством и реальностью. Когда Ноа узнаёт о новом теракте, он пытается предупредить ФБР — но враг оказывается хитрее. Мрачный психологический триллер о мести, цене молчания и борьбе с собственной тьмой.

© Фокс Н., 2026

© Автор, 2026

Натали Фокс

Боль. Молчание. Смерть?

Часть 1. Затишье перед бурей

Глава 1. Обыкновенная жизнь

Солнце пробивалось сквозь неплотно задернутые шторы, рисуя на деревянном полу спальни тонкую золотую полосу, похожую на лезвие ножа. Ноа Харрис, двадцати пяти лет от роду, лежал, уставившись в потолок, и считал трещинки на побелке. Это был его утренний ритуал — неспешный, успокаивающий, дающий мозгу пять минут на то, чтобы принять факт наступления нового дня. Трещинок было тринадцать. Как и вчера. Мир пока оставался на своем месте. Пока.

Квартира-студия в Бруклине, которую он снимал вместе с другом детства Лиамом, была мала, но уютна. Из кухни доносилось приглушенное шипение кофемашины и негромкое бормотание Лиамы, который, судя по всему, опять разговаривал со своим фикусом Беном, убеждая того, что пересадка пойдет ему только на пользу. Этот звуковой фон был такой же неотъемлемой частью утра Ноа, как и трещинки на потолке. Он сел на кровати, протер глаза и потянулся за телефоном. Шесть сорок пять. Время выгулять пса.

Лола, жизнерадостный бигль с ушами, вечно пахнущими кукурузными чипсами, уже нетерпеливо перебирала лапами у входной двери. Её хвост работал как пропеллер, создавая небольшой, но ощутимый сквозняк. Ноа натянул джинсы, толстовку с логотипом «Метс» и пристегнул поводок. Прогулка с Лолой была второй частью утреннего ритуала. Они прошли мимо знакомой кофейни на углу, где бариста Мария уже знала его заказ — большой черный кофе, без сахара. Мимо булочной, откуда плыл запах свежей сдобы, смешиваясь с выхлопными газами проезжающих такси. Город просыпался, потягивался и начинал свой шумный, деловой день. Обычный день. Слишком обычный.

После прогулки и душа Ноа оделся в офисный casual — темные брюки, голубая рубашка. Сегодня должна была прийти новая коллекция винила, и мысли о предстоящей работе вызывали у него легкую, почти детскую радость. Он не мечтал работать в музыкальном магазине, но эта работа пришлась ему по душе. Она была нешумной, спокойной и полной приятных открытий. Вчера он наткнулся на старое издание «Blue» Джони Митчелл и весь день провел, слушая его в подсобке.

— Ноа! Ты опять забыл про мусор! — крик Лиамы вырвал его из размышлений. Лиам стоял в дверях кухни, театрально уперев руки в бока. В одной руке он держал пакет с мусором. Его рыжие волосы торчали в разные стороны, а на щеке красовался след от подушки. — Я, значит, с Беном провожу утреннюю психотерапию, а ты даже элементарную просьбу выполнить не можешь.

— Прости, Ли, закрутился, — Ноа виновато улыбнулся, забирая пакет. — Кстати, ты Бену говорил, что чрезмерный полив ведет к загниванию корней? Вряд ли ему нужна такая поддерживающая терапия.

— Не тебе указывать, как нам общаться с моим подопечным! Ты же знаешь, он у меня чувствительная натура, — фыркнул Лиам, но глаза его смеялись.

Их дружба была странной — полной взаимных подколов, но при этом крепкой, как стальной трос. Они знали друг друга с третьего класса, вместе пережили и школьные драмы, и первую любовь, и смерть родителей Ноа в автокатастрофе пять лет назад. Лиам тогда был единственным, кто не дал ему утонуть в вязкой, черной тоске. Он вытаскивал его из постели, заставлял есть, гулять, жить. Ноа был обязан ему всем.

Ноа вышел на улицу и направился к мусорным бакам в переулке. Бросив пакет в контейнер, он на секунду задержался. Утро было на удивление тихим и безмятежным. Иллюзия безопасности плотным, почти осязаемым куполом накрыла город. В воздухе пахло осенью и мокрым асфальтом, хотя дождя не было. В этой тишине было что-то неестественное, как будто город затаил дыхание перед прыжком. Ноа тряхнул головой, отгоняя дурацкую мысль.

Мимолётный тревожный знак появился, когда он уже подходил к метро. На углу 45-й улицы стоял человек в грязном плаще, несмотря на довольно теплую погоду. Он не просил милостыню, не играл на гитаре. Он просто стоял и смотрел в одну точку — туда, где возвышались сверкающие стеклом башни Манхэттена. Его глаза были абсолютно пусты, как у фарфоровой куклы. В одной руке он сжимал грязный рюкзак, а губы его беззвучно шевелились, словно он читал молитву. Ноа прошел мимо, стараясь не смотреть в его сторону. Мало ли странных людей в Нью-Йорке? Это же часть городского пейзажа. Он убедил себя в этом к тому моменту, как спустился в подземку. Позже он будет проклинать себя за это равнодушие.

Глава 2. Первый удар

Субботнее утро началось с планов, которым не суждено было сбыться. Ноа и Лиам собирались на бейсбольный матч на стадион «Янки». Лиам болел за «Янки» с религиозным фанатизмом, и поход на игру был своего рода паломничеством. Ноа был более спокоен к спорту, но предвкушал атмосферу праздника, хот-доги и веселую толпу.

В центре города они разделились. Ноа хотел заскочить в крупный книжный магазин у Центрального вокзала, чтобы забрать предзаказ — редкий альбом по архитектуре Нью-Йорка для себя и сборник сонетов для своей старшей сестры, Мэгги. У нее через неделю был день рождения, и Ноа знал, что этот подарок придется ей по душе. Мэгги преподавала литературу в небольшом колледже в Вермонте и обладала способностью видеть красоту в самых простых вещах. Она была его единственным родным человеком после гибели родителей.

— Встретимся через час у главного входа на стадион! — крикнул Лиам, ныряя в вагон метро. — Не опаздывай, а то займу твое место и съем твой хот-дог!

— Не дожدهшься! — усмехнулся Ноа и направился к выходу в город.

Центральный вокзал Гранд-Терминал был одним из тех мест, которые неизменно вызывали у Ноа чувство благоговения. Этот архитектурный исполин был сердцем города, местом, где тысячи судеб переплетались каждую секунду. Он любил проходить через главный вестибюль, задрав голову к бирюзовому своду с изображением звездного неба. Золотые созвездия мерцали в свете огромных арочных окон. Людской поток, быстрый и целеустремленный в будни, сейчас, в выходной, был более расслабленным. Семьи с детьми, пары, группы туристов с фотоаппаратами — все смешалось в едином гуле. Молодая мать катила коляску с близнецами, смеющимися чему-то своему. Пожилой мужчина читал газету, сидя на скамейке. Группа школьников с рюкзаками, приехавших на экскурсию, шумно обсуждала что-то, показывая пальцами на звездный свод.

Ноа прошел к книжному, получил свой заказ и уже собирался уходить, как его взгляд упал на витрину с канцелярией. Там лежала красивая перьевая ручка, о которой Мэгги говорила пару месяцев назад. «Подарок-сюрприз», — подумал он и зашел внутрь.

Именно в этот момент мир перестал быть прежним.

Первый взрыв разорвал тишину, как гнилую ткань. Это был не хлопок, не грохот — это была всепоглощающая звуковая волна, которая ударила по барабанным перепонкам с такой силой, что из ушей Ноа мгновенно потекла кровь. Взрывная волна пронеслась по главному вестибюлю, сметая все на своем пути. Витрина книжного магазина взорвалась миллионом осколков, которые вонзились в лицо и руки Ноа, стоявшего у прилавка. Его подбросило в воздух и швырнуло спиной на стеллаж. Тяжелые тома посыпались на него, ломая ребра с влажным хрустом.

Но это был только первый взрыв. Второй прогремел почти сразу же — на этот раз в туннеле метро, расположенном прямо под вестибюлем. Пол главного зала вспучился, как кожа на гниющей ране, и рухнул вниз, увлекая за собой десятки людей. Огромные куски мрамора и бетона падали на платформу, дробя кости и расплющивая тела в кровавую кашу. Крики ужаса смешались с грохотом разрушения, а затем их перекрыл третий взрыв — в восточном крыле вокзала, где находились кассы и выход к 42-й улице.

Ноа лежал под завалом книг, оглушенный, дезориентированный. Звон в ушах стоял невыносимый, заглушая все остальные звуки. Перед глазами все плыло в кроваво-красном тумане — осколки стекла рассекли бровь, и кровь заливала лицо. Он с трудом пошевелился и почувствовал острую боль в боку — как минимум два ребра были сломаны. Но он был жив. Каким-то чудом он был жив.

Ноа попытался встать, опираясь на локоть, и посмотрел туда, где минуту назад был главный вестибюль. То, что он увидел, заставило его желудок сжаться в спазме, и его вырвало прямо на рассыпанные книги.

Главный зал превратился в филиал ада на земле. Огромная дыра зияла в центре пола, и оттуда поднимался густой черный дым, смешанный с пылью. Повсюду лежали тела. Целые, разорванные на части, обгоревшие до неузнаваемости. Ноа увидел оторванную по локоть руку, все еще сжимавшую ручку коляски. Сама коляска с близнецами исчезла в провале. Группа школьников, которая только что смеялась, теперь представляла собой груды окровавленных тел, перемешанных с обломками мрамора. У одного мальчика, лет двенадцати на вид, не было половины головы — осколок камня снес ее, как бритва, оставив только нижнюю челюсть с брекетами, беззвучно открывающуюся и закрывающуюся в последнем рефлексе.

Ноа пополз. Он не мог идти, ноги не слушались, а боль в сломанных ребрах была невыносимой. Он полз по битому стеклу, которое впивалось в ладони, оставляя кровавые следы. Вокруг него люди кричали, молили о помощи, но он не мог им помочь. Инстинкт самосохранения, древний и безжалостный, гнал его вперед, к выходу. Мимо него пробежал человек, объятый пламенем — его одежда горела, кожа пузырилась и лопалась, обнажая красное, сочащееся мясо. Он кричал нечеловеческим голосом, пока не упал, споткнувшись о чью-то оторванную ногу.

Выбравшись через выбитую дверь на 42-ю улицу, Ноа увидел хаос снаружи. Полицейские сирены выли, перекрывая крики раненых. Пожарные машины уже разворачивали рукава, но пока к горящему входу в метро было не подойти — слишком много обломков, слишком много тел. Улица была усеяна осколками стекла из окон соседних зданий, и они хрустели под ногами спасателей, как ледяная корка. Ноа видел, как санитары грузили на носилки женщину без обеих ног — культы были грубо перетянуты чьими-то ремнями, кровь пропитала носилки насквозь и капала на асфальт.

Дрожащими, окровавленными пальцами он набрал номер Лиама. Длинные, мучительные гудки. Снова и снова. А потом механический голос автоответчика: «Абонент временно недоступен». Он набрал еще раз. И еще. Ответом была тишина.

Ноа стоял на коленях посреди ада, чувствуя, как теплая кровь стекает по его лицу и капает на асфальт, и осознавал только одно: Лиам был там, в метро, прямо под эпицентром второго взрыва. И тишина на том конце провода была страшнее любого крика.

Глава 3. Шок и отрицание

Последующие три дня слились для Ноа в одно сплошное, серое, липкое месиво. Время утратило свою структуру, превратившись в бесконечную пытку ожиданием. Их маленькая квартира в Бруклине, раньше наполненная смехом Лиама и топотом лап Лола, стала склепом. Лола, чувствуя беду, не требовала прогулок, а лишь тихо лежала у двери, положив голову на лапы, и изредка поскуливала.

Телефон Ноа разрывался от звонков, но ни один из них не был тем самым, которого он ждал. Звонили родители Лиама из Огайо. У его матери был такой голос, что у Ноа все сжималось внутри. Это был голос человека, который уже все понял, но еще надеется на чудо. Ноа не мог ей соврать, но и правду сказать не решался. Он просто молчал в трубку, слушая ее рыдания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.